

Ю. В. Веселов¹, Р. В. Карапетыан¹,
М. В. Синютин¹, Б. В. Босле², Х. П. Кандерао²

АНАЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ САПОЖНОГО РЕМЕСЛА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ И МУМБАИ¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034,

Санкт-Петербург, Университетская наб, 7–9

² Университет Мумбаи, Индия, 400098, Мумбаи, Сантакруз (Е), Видианагри

Статья представляет разработку аналитической модели сравнительного социологического исследования сапожного ремесла в двух крупных современных мегаполисах — Мумбаи (Индия) и Санкт-Петербург (Россия). Акцентируется внимание на схожести и различиях сапожных практик двух городов и двух культур. Формирование подобного контекста обусловлено теоретическим осмыслением повседневных практик, условий их воспроизводства у представителей сапожного ремесла в российском и в индийском мегаполисах, учитывающим специфику укладов, особенности институциональных структур, сетевое взаимодействие сапожников.

Авторы исходят из того, что общность изучаемых сапожных практик, их социального контекста и структур выражается в схожести смыслов действий сапожников и алгоритмов их профессиональных стратегий. Первоначально предлагается сравнительная модель общественных укладов России и Индии. Анализируется характер развития капитализма обеих стран, выявляются общие и особенные тенденции. На этой основе проводится сравнение институциональных структур мегаполисов Санкт-Петербурга и Мумбаи. Выявляются особенности исторического развития и общественные роли мегаполисов в России и в Индии. Предлагается многоуровневая система сопоставления ключевых социальных параметров институциональной среды мегаполисов. В итоге авторы получают возможность системного сравнения социальных контекстов коммуникативных практик представителей сапожного ремесла обоих городов. Установлено, что сапожные практики двух изучаемых городов существуют в условиях различного потребительского спроса и различных культурных установок. Существенную долю представителей сапожного ремесла на улицах этих городов образуют приезжие мигранты, использующие в целях трудовой практики локальные этносоциальные сети. Установлена различная техновооруженность сапожных мастеров Санкт-Петербурга и Мумбаи. Разработанная авторами статьи модель выступает основой для эмпирического исследования ремесленников (сапожников) из разной социальной среды. Библиогр. 31 назв. Рис. 4.

Ключевые слова: аналитическая модель, сравнительные исследования, мегаполис, ремесло.

ANALYTICAL MODEL FOR STUDY OF SHOEMAKING IN SAINT-PETERSBURG AND MUMBAI

Yu. V. Veselov¹, R. V. Karapetyan¹, M. V. Sinyutin¹, B. V. Bhosale², H. P. Khanderao²

¹ St. Petersburg State University, 7-9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

² University of Mumbai, India, 400098, Mumbai, Santacruz (E), Vidyanaгри

The article presents the development of an analytical model of comparative sociological research of shoemaking crafts in two modern megapolises — Mumbai (India) and Saint-Petersburg (Russia). The model is the basis for further empirical research into artisans (shoemakers) from different social environments. Attention is focused on the similarities and differences between shoe practices of two cities and two cultures. Formation of such a context is due to the theoretical comprehension of everyday practices, their conditions of production in shoemaking facilities in the Russian and Indian megacities, taking into account the specifics of orders, especially the institutional structures and networking among shoemakers.

¹ Материалы подготовлены в рамках проекта «Институционализация сапожного ремесла в современном городском пространстве: на примере Санкт-Петербурга (Россия) и Мумбаи (Индия)» по гранту Фонда поддержки социальных исследований «Хамовники».

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

The authors consider that the similarity of shoemaking practices examined, of their social context and of structures, is reflected in the resemblance of the meanings and professional strategies' in shoemakers' procedures. Initially a comparative model of social structures of Russia and India is proposed. The mode of capitalist development in both countries is analyzed, and the general and specific tendencies are identified. On that basis, a comparison of the institutional structures between the cities of St. Petersburg and Mumbai is made. The peculiarities of historical development and social role of cities in Russia and in India are pinpointed. The multilevel system of comparing the key social settings of the cities' institutional environment is provided. Finally, the authors attempt a systematic comparison of social contexts of communicative practices among shoemakers in both cities. Shoemaking practices of two cities are undertaken with different consumer demand and with different cultural attitudes. A significant portion of the shoemaking craft on the streets of both cities is done by newcomers or migrants that use their local ethno-social networks for labour practices. The diversity of technical equipment between shoemakers of St-Petersburg and Mumbai is discovered. An original model is developed that serves as a basis for empirical studies of artisans (shoemakers) in different social environments. Refs 31. Figs 4.

Keywords: analytical model, comparative study, metropolis, craft.

Введение

Максим Ковалевский пользовался сравнительным исследованием, чтобы выявлять общее у различных сообществ [1, с. 13]. Однако сравнение позволяет обнаружить также их отличительные особенности. Поэтому современное социологическое исследование, построенное на основе сравнительного подхода, предполагает аналитическую модель, выделяющую общее и особенное, а также раскрывающую их сложную взаимосвязь. Цель работы: конструирование аналитической модели, помогающей объяснить существование сапожного ремесла в многогранном социальном пространстве крупного капиталистического города. Причем вполне осознанно в качестве объекта исследования будут взяты уличные сапожники разных на первый взгляд мегаполисов — северного города Санкт-Петербурга и южного города Мумбаи.

Мы исходим из того, что общность изучаемых сапожных практик, их социального контекста и структур выражается в схожести смыслов действий сапожников и алгоритмов их профессиональных стратегий. Поэтому для теоретического описания повседневных практик сапожников в российском и индийском мегаполисах необходимо иметь, во-первых, обобщенный исторический план, представленный в контексте базовых форм общественных укладов; во-вторых, глубинную модель институциональных структур современного мегаполиса, в которые вовлечено сапожное ремесло; в-третьих, типичные коммуникативные практики сапожников в социальных сетях современного мегаполиса, а также средства их социального воспроизводства. В связи с этим основные задачи статьи связаны с анализом:

- общественного уклада современных российского и индийского обществ;
- институциональных структур Санкт-Петербурга и Мумбаи;
- социального контекста коммуникативных практик петербургских и мумбайских сапожников.

Тенденции и направления развития капитализма в современной России нашли отражение в научной литературе [2–4]. Исследователи исходили из выявления сочетаний как капиталистических, так и некапиталистических форм развития общества. Проблема капитализма в Индии хорошо изучена [5–7]. Наиболее актуален для социологов вопрос проникновения капитализма в аграрное общество Индии

и вызванные этим видоизменения кастовой системы [8]. В научной литературе предоставлен обширный материал относительно процессов воспроизводства разнообразных общественных укладов как в России, так и в Индии.

Ученые, занимавшиеся социологическими исследованиями городов, от М. Вебера [9] и до М. Кастельса [10], всегда базировали свои выводы на цепочке сравнений самых разнообразных урбанистических социальных пространств. Сложилась богатая традиция социологического изучения городов Санкт-Петербург и Мумбаи. Еще в советское время научными коллективами ленинградских НИИКСИ и ИСЭП, предложившими фундаментальные подходы к социальным процессам городских пространств, была проведена сложная исследовательская работа [11, 12]. Для целей исследования, описанного в данной статье, особую важность сыграла более поздняя работа Ю. В. Веселова по экономической социологии города [13]. Хорошо развитая урбанистическая социология Индии представлена сложным корпусом работ, среди которых традиционно выделяются исследования Мумбаи [14, 15]. Кроме того, весомый вклад в изучение мегаполиса Мумбаи вносит западная социология [16].

В последние годы было проведено несколько добротных сравнительных социологических исследований мегаполисов России и Китая (Санкт-Петербург и Шанхай) [17, 18]. Надо сказать, что данный опыт оказался весьма успешен. Но велось изучение целого мегаполиса с особым интересом к его роли в происходящих трансформационных процессах, преимущественно в связи с усилением капиталистических тенденций в экономике. В исследованиях подчеркивалось наличие сходств, связанных с социалистическим выбором в прошлом этих стран. Не касаясь существа вопроса, хотелось бы отметить, что в нашем случае мы, выбирая индийский город Мумбаи для сравнения с Санкт-Петербургом, пытаемся учесть это обстоятельство. И безусловно, для нас социальные структуры мегаполиса выступают не более чем фоном для жизнедеятельности небольшой профессиональной группы — сапожников-ремесленников, заполняющих социальное пространство обоих городов. Исследование, предлагаемое авторами данной статьи, является уникальным и в большей степени базируется на их прежнем опыте экономической социологии [19].

Анализ общественных укладов, присущих современным российскому и индийскому обществам

Изучение истории развития сапожного ремесла позволяет определить приоритеты его развития, основные черты, свойственные ремеслу разных эпох, его интеграцию в культурное пространство социальных сред и провести сравнительный анализ исторических форм сапожного ремесла и его современного состояния.

Вот уже несколько столетий российское и индийское общества находятся под сильнейшим влиянием капиталистического уклада. По-разному оба общества встретили данный уклад, но объединяет их два обстоятельства. В Россию, как и в Индию, капитализм явился с Запада, и стал мощнейшим испытанием для существовавших тогда господствующих укладов общественной жизни. Отсюда вытекает и второе обстоятельство — зависимость от передовых капиталистических держав. Как показал один из классиков мир-системного анализа Самир Амин в своей недавней книге [20], тенденциям глобального капитализма России отведено такое же подчиненное место, как Индии, Китаю и остальным странам, образующим так

называемую капиталистическую периферию. Не вдаваясь в полемику по данному вопросу, возьмем указанные обстоятельства за отправную точку при рассмотрении общественных укладов обеих стран. Однако обратим внимание, что если Россия выступает в глобальном капитализме в большей мере как перспективный источник сырьевых ресурсов, то Индия — ресурсов рабочей силы. Важно отметить, что Россия — крупнейшая по территории страна мира, а Индия — страна с самым большим объемом прироста населения, что в ближайшие десятилетия сделает ее крупнейшей по численности населения державой. Если в России около трети населения занято в промышленности и лишь 10 % — в сельском хозяйстве, то в Индии наоборот: две трети жителей вовлечено в сельское хозяйство и менее 15 % — в промышленность. В то время как Россия практически не может собственными трудовыми ресурсами поддерживать необходимые для экономического развития темпы роста промышленности, Индия выступает одним из основных поставщиков рабочих рук на глобальном рынке труда.

Как справедливо отмечал американский историк-экономист Александр Гершенкрон, «Главный урок XX столетия состоит в том, что проблемы отсталых стран — это не только их проблемы. Это также и проблемы развитых стран» [21, с. 90]. Поэтому экономическая политика России и Индии нуждается в анализе в контексте экономической политики передовых капиталистических стран (США, Великобритания, ФРГ, Япония). Россия, совершив индустриальный переход в кратчайшие сроки и используя социалистическую идеологию, гораздо резче противопоставила себя политике Запада, чем Индия, чей индустриальный переход затянулся и еще не перешел в фазу стремительного роста. Тем не менее для обеих стран именно самые современные технологии производства выступают привлекательными средствами для перспективного экономического роста. При таком повороте дальнейшее движение будет зависеть от потенциала стран в формировании конкурентоспособной, по мировым меркам, рабочей силы этих, основанных на современных технологиях, отраслей промышленности. Россия и Индия, однако, стоят в ряду стран, чьи экономические ресурсы придают им вес, позволяющий претендовать на преодоление подчиненности центрам мирового финансового капитала. Политическое выражение данной общности проявилось в образовании блока БРИКС. Это повысило интерес к сравнительным социологическим исследованиям в рамках БРИКС, примером чего служит недавняя фундаментальная публикация ведущих социологов четырех стран (без ЮАР) [22].

Россия унаследовала от советской эпохи специфическую хозяйственную систему, в которой единство и централизация нивелировали возможные тенденции к многоукладности [23]. И даже несмотря на коренную трансформацию советской системы организации экономики, остаются ее ресурсно-технологические основы, свою важность сохраняют добывающая и обрабатывающая отрасли промышленности, а также военно-промышленный комплекс. Из-за стремления к независимой стратегии монопольных владельцев предприятий этих отраслей тормозится развитие многоукладности и распространяются единые типы отношений собственности и управления хозяйственной деятельностью. Историческое наследие индийской экономики заключается в колониальном статусе страны, снятом лишь 70 лет назад, а также в множественности форм хозяйственной жизни — от ручной переработки мусора до самого современного программного обеспечения. Отсутствие доминанты порождает сосуществование самых разных форм хозяйствования и отношений

собственности. В России, невзирая на приватизацию, государство продолжает играть направляющую роль в экономике, тогда как экономика Индии живет в некотором смысле помимо и вне государства. По индексу экономической свободы [24] Россия и Индия занимают 153-е и 123-е место соответственно. А вот по индексу Джини [25] — показателю экономического неравенства — Россия (54-е место) значительно опережает Индию (102-е место).

Любопытно отметить, что до сих пор экономика Индии замкнута на проблемы своего общества, даже в большей мере, чем это было в советский период истории России. Причем основной потребитель в Индии гораздо беднее, чем в России. Однако именно развитие внутреннего рынка и уровня потребления жителей Индии скрывает невероятные по возможным последствиям перспективы будущих успехов страны. Образ жизни в Индии диктуется иными социальными структурами, нежели в России. Если в структурировании социального пространства российского общества продолжает играть важную роль аппарат государственной власти (бюрократическая система), то на индийское общество накладывает сильнейший отпечаток традиционная социальная иерархия (касто-варновая система). Профессиональное разделение труда, а также распределение человеческих ресурсов по профессиям и видам деятельности в значительной мере регулируется именно ими. Несмотря на свою консервативность, как отмечал Торстейн Веблен [26], институциональные формы призваны обеспечить преемственность и сохранность общественных связей. Поэтому они выживают даже вопреки своей архаичности. Современные технологии, бросая вызов обеим системам, встречают в их институциональных формах серьезное сопротивление. Но технологии — это потенциал развития и замена старых институтов. И очень важно понять, каким образом складывается взаимодействие и противостояние институтов и технологий.

Анализ институциональных структур мегаполисов Санкт-Петербурга и Мумбаи

В структуре современных обществ, включая Россию и Индию, особое место принадлежит мегаполисам. В них сосредоточены капиталистические тенденции развития и протекают процессы институализации капиталистических отношений. Современный мегаполис — это архисложная социальная система взаимодействующих структур и групп населения. Характерно, что оба интересующих нас мегаполиса — Санкт-Петербург и Мумбаи — являются непосредственными продуктами проникновения западного капитализма в Россию и Индию. Города почти сверстники: их создали представители одного поколения мировой истории. Появившийся на месте индийских деревень колониальный центр стал городом Бомбеем (поменявшим в 1995 г. свое название на Мумбаи) в конце XVII в., а город Санкт-Петербург был создан в начале XVIII в. Как собственность Английской короны, город был отдан в аренду Ост-Индской компании. Поэтому Бомбей развивался почти вне прямого влияния индийских институтов власти. Система власти, экспортированная из самой передовой страны того времени, была, правда, призвана служить подчинению всей Индии интересам метрополии. Санкт-Петербург же, созданный волей российского монарха на месте финских деревень, стал местом сосредоточения реформируемых институтов государственной власти, призванных вывести Россию с второстепенных ролей в мировой системе.

Основу современной территории Мумбаи образовали семь островов, находящихся в устье реки Улхас, которые, представляя неудобную для проживания болотистую местность, постепенно засыпались землей, пока не образовали одно целое. Санкт-Петербург имеет схожую историю: начиная с требования монарха привозить каждому приезжему камни для засыпки болот и современных «насыпных территорий». То есть перед нами два города, стоящих на земле, созданной руками бедных и подневольных людей для того, чтобы капитализм успешнее проникал в их страны, превращая тружеников из лично зависимых в наемных работников. Так же как первая железная дорога (символ новой капиталистической мощи) в России вела в Санкт-Петербург, первая железная дорога Индии вела в Бомбей. Но по российским рельсам на запад везли металл и древесину, по индийским — хлопок. Оба города были не просто окнами в Европу, а воротами для Европы (в Мумбаи сохранился исторический монумент «Ворота в Индию»).

Санкт-Петербург и Мумбаи исторически формировались как космополитические, мультикультурные и многоконфессиональные центры. Население обоих городов воспроизводится при непрерывающемся притоке мигрантов, ищущих приложения своему человеческому потенциалу. Имперское прошлое Санкт-Петербурга сформировало богатый центр и рабочие окраины. Однако советский период придал городу эгалитарный облик. Бомбей гораздо ярственнее демонстрирует остроту противоречий между богатством и бедностью. Природа и климат в Индии позволяют снизить потребление до невозможного на берегах Невы уровня.

За три столетия население Санкт-Петербурга выросло до пяти миллионов, население Мумбаи — почти до двадцати. Население Мумбаи значительно моложе, чем Санкт-Петербург. Если в Мумбаи преобладают мужчины, то в Санкт-Петербурге — женщины. Уровень образования мумбайцев ниже, чем у петербуржцев.

Экономическое значение Мумбаи для Индии выглядит более весомым, чем значение Санкт-Петербурга для России. Отчасти это объясняется аграрным характером экономической деятельности большинства жителей Индии, на фоне чего функции Мумбаи как капиталистического центра более заметны. Ключевыми отраслями промышленности Мумбаи многие годы были хлопчатобумажная, нефтеперерабатывающая, химическая промышленность и машиностроение, но постепенно их начинают опережать новые, быстро растущие секторы, такие как производство ювелирных изделий и изделий из кожи, обработка драгоценных камней, информационные технологии, индустрия туризма и развлечений. В Санкт-Петербурге ведущее место принадлежит машиностроению и металлообработке, пищевой промышленности, электроэнергетике и металлургии. Однако в обоих городах промышленность, естественно, не может дать работу всей трудоспособной части населения. Для обоих городов характерно, что значительную долю в числе занятых составляют служащие. Однако отличие Мумбаи состоит в том, что доля низкоквалифицированного и неквалифицированного труда довольно велика. В Санкт-Петербурге этот сегмент экономики мал. Мумбаи намного опережает Санкт-Петербург по числу занятых в сфере услуг, даже несмотря на то, что в последние десятилетия данная отрасль быстро развивалась в северной столице России. Мумбаи намного опережает Санкт-Петербург по значимости своего финансового сектора в масштабах страны. Это объясняется не только концентрацией в Мумбаи финансовых учреждений Британской империи, но и упадком этого вида хозяйственной деятельности в Санкт-Петербурге в советское время.

Институты, в рамках которых протекает хозяйственная жизнь Санкт-Петербурга, нельзя назвать способствующими предпринимательской активности горожан. Такое положение характерно для сообществ, где доминируют представители крупного монопольного капитала. Они не ставят себе задачу обеспечить равные благоприятные условия для всех. Зато в их сферы влияния входят структуры городской власти. Даже несмотря на публичное декларирование заботы о среднем классе и предпринимательском климате в Санкт-Петербурге, цифры статистики показывают слабую активность горожан в данной области. Контроль над экономическими институтами города осуществляется весьма узким бюрократизированным слоем. И это свидетельствует о неизменности ряда базовых устоев отечественной хозяйственной практики, несмотря на смену идеологической вывески с «социализма» на «свободный рынок». Иной выглядит ситуация в Индии. Здесь распределение власти происходит относительно независимо от распределения статуса. А поскольку профессии связываются со статусами посредством религии, а не власти, то существование новых для традиции видов хозяйственной деятельности (которые привносят, например, современные технологии капиталистической экономики) касается только статуса и не идет вразрез с системой власти. Современная экономика отчасти существует еще «в порах» старого общества, даже невзирая на масштабы индустриализации Мумбаи.

Правда, есть еще немаловажное для современного капиталистического мегаполиса обстоятельство истории Санкт-Петербурга и Мумбаи. Хотя оба города были центрами борьбы со старыми режимами — в Санкт-Петербурге революционные матросы стали ведущей ударной силой революции 1917 г., а в Мумбаи восставшие моряки были мощным орудием индийцев в успешной борьбе за независимость в 1947 г. — политические формы борьбы трудящихся в данных городах носят отпечаток архаизма обеих социальных систем (бюрократизма в России, и кастовости в Индии). Большинство профсоюзных организаций города на Неве являются ветвями административного аппарата для решения социальных вопросов, связанных с организацией незначительного вспомоществования сотрудникам и их отдыха. Открытая борьба трудящихся с работодателями носит маргинальный характер. В системе индийской традиции, господствующей в социальном пространстве Мумбаи, до сих пор ведущую роль играет представление о существовании социального единства только на основе кастовых взаимосвязей, отводящих всякому элементу свое подобающее место. Поэтому каждый человек, проявляющий интерес к социальному прогрессу, выступает в глазах окружающих как лицо «отрекающееся от мира» [27, с. 259]. И хотя борьба трудящихся в Мумбаи принимает сегодня более острые формы, чем в Санкт-Петербурге, она разбивается о стену традиционного мировосприятия основной массы индийцев.

Анализ социального контекста коммуникативных практик сапожников Санкт-Петербурга и Мумбаи

Коммуникативные практики сапожников включают в себя достаточно широкий спектр непосредственно или опосредованно вовлеченных акторов. Речь идет не только о клиентах или коллегах, начальстве или арендодателях, но и о государственных и общественных структурах. Также коммуникативные практики включа-

ют в себя культуру и традиции ремесла, равно как и самих акторов. Для построения аналитической модели повседневных практик ремесленников представляется необходимой интерпретация вовлеченности акторов в контекст коммуникативных событий и, что более важно, интерпретация смыслов коммуникативных событий.

Но для начала хотелось бы отметить, что если в Санкт-Петербурге улицы города топчут порядка десяти миллионов ног, то в Мумбаи речь идет уже о сорока миллионах. Причем из миллионов индийских ног бóльшая часть (к тому же более молодых ног) ходит босиком в любое время года, что для Санкт-Петербурга представляется практически невозможным. Из этого банального факта вытекает важный вывод — петербуржцы, в отличие от мумбайцев, не могут обойтись без обуви (а сегодня — и без качественной обуви). К тому же нельзя забывать, что ассортимент обуви для мумбайцев, в силу тех же природно-климатических условий, значительно скромнее, чем у петербуржцев, нуждающихся в специфических ее типах. Итак, сапожные практики двух изучаемых городов существуют в условиях различного потребительского спроса.

Для советской истории города на Неве было характерно стремление государства взять под свое крыло ремонт обуви путем создания специализированных комплексов оказания услуг населению и подготовки для них кадров в системе среднего профессионального образования. Но даже в той системе находилось место индивидуальным мастерам сапожного дела прямо в городской среде петербуржских улиц. Когда же городская (и отечественная в целом) обувная промышленность оказалась в кризисе, то сектор частного ремонта обуви начал быстро развиваться. Однако даже в этой ситуации мастерские практически не занимались пошивом, а только ремонтом. Последние годы, по данным Петростата, число предприятий по производству кожи, изделий из кожи и производству обуви колеблется в районе полутора–двух сотен [28, с.10]. Исходя из различных информационных источников, можно определить, что ремонтных обувных точек в Санкт-Петербурге около нескольких сотен. В структуре бытовых услуг они составляют 3–4 %, а в объеме затрат на душу населения — 183 рубля (за 2014 г.). Услуги по ремонту обуви в Санкт-Петербурге также дифференцированы, как и само население. Наряду с недорогим ремонтом, выполняемым некоторыми уличными ремесленниками существует и дорогостоящий, рекламируемый на специальных сайтах — для элитной обуви.

Ремонт обуви тесно связан с уровнем развития обувной промышленности. А как известно, современная обувная промышленность, как и многие промышленные сферы, не работает на выпуск «вечных» изделий. Временное удовлетворение всякой потребности, взятое на вооружение современным капитализмом, позволяет манипулировать постоянно возобновляющейся потребительской заинтересованностью. Одновременно это связано с удешевлением производства массовой продукции за счет экономии на некоторых параметрах качества, особенно долговечности. На обувном рынке это приводит к тому, что потребители, стремящиеся сэкономить на покупке обуви (а таких, если судить по уровню доходов петербуржцев, — значительная масса), быстро сталкиваются с дилеммой: выбросить или отремонтировать. Степень повреждения и стоимость ремонта, как правило, и определяют выбор владельца обуви.

Согласно результатам подробного исследования всех точек ремонта обуви в одном из муниципальных образований Санкт-Петербурга, мастерские распо-

лагаются преимущественно около крупных магазинов и вблизи от важных транспортных артерий. Главным образом это места, мимо которых ежедневно проходят большие потоки горожан с работы и на работу, а также за покупками. Чем интенсивнее потоки, тем выше концентрация точек по ремонту обуви. Также установлено, что ремонтные точки располагаются с учетом охвата всех микрорайонов муниципального образования.

В процессе общения с сапожными мастерами выяснилось, что, как правило, они осведомлены о своих коллегах-конкурентах в масштабах муниципального образования. Иногда их объединяет неформальное общение друг с другом, особенно если речь идет о принадлежности к одной диаспоре (армяне). В рассмотренных случаях мастерами по ремонту обуви являются мужчины преимущественно от 30 до 60 лет (рис. 1). Для многих начало ремесленной практики связано с потерей прежних возможностей, миграцией, важностью обустройства на новом месте. Как показало исследование С. Дамберга [29], начало сапожной карьеры для армян обеспечивалось существующими этническими связями.

Рис. 1. В сапожной мастерской Санкт-Петербурга

По-иному представляется социальный контекст сапожного и в целом обувного ремесла на улицах Мумбаи, где, согласно долго действовавшей в Индии кастоварновой системе, работа с кожей является уделом наиболее низких в религиозной иерархии членов общества, так называемых неприкасаемых. Считается, что снятие кожи с животных, скорняжное и кожевенное мастерство, дубление и даже закупка кожи ведут к загрязнению и нечистоте. В штате Махараштра, куда входит Мумбаи, эти виды деятельности являются уделом касты под названием Дхор, локализованной преимущественно в округах Колхапур и Солапур. Последние годы многие представители этой касты меняют традиционную сферу занятости и оставляют профессию из-за ряда причин — нежелание заниматься грязной работой, касто-

вое клеймо, стремление получить лучшее образование и работу. Еще продолжают держаться своего промысла несколько семей в Колхапуре, однако в Мумбаи, кроме одного маленького центра в районе Дхарави, традиционное и промышленное дублирование кожи больше не существует [30].

В Мумбаи производством и ремонтом обуви занимается местная каста Чармакар или Чамбхар, а также представители касты кожевников Чармакар из других штатов (Уттар-Прадеш, Мадхья-Прадеш и Бихар). На улицах Мумбаи сапожники сидят на тротуарах, около железнодорожных и автобусных станций, на перекрестках дорог и вблизи оживленных мест, особенно рядом с офисами (рис. 2). Они всегда образуют определенную сеть и не работают в одиночку. Их ежедневный заработок составляет 300–400 рупий, которые они тратят на аренду жилья, питание, поддержание своих родных и другие нужды. Таким мигрантам становится трудно выживать в городе, где их считают чужаками, без институциональной поддержки, особенно со стороны властей. Представители местной касты Чармакар пытаются за плату получать лицензии на работу в определенных точках города, чтобы их услуги официально признавались, а место работы было обеспечено специальными будками.

Рис. 2. Сапожные мастера в Мумбаи

Уровень технологий, используемых сапожниками в Мумбаи, предполагает рудиментарные ручные операции с минимальным набором инструментов как для ремонта старой, так и для пошива новой обуви (рис. 3), что существенно отличает их от сапожников Санкт-Петербурга, применяющих автоматические инструменты и агрегаты (рис. 4). Это можно объяснить бедностью, недостатком инвестиций, а также действующей системой социальных институтов. В подавляющем большинстве сапожники в Мумбаи имеют невысокий уровень образования и культурно-

го развития по сравнению с сапожниками Санкт-Петербурга. Но представители нового поколения ищут пути сотрудничества с администрацией, организуются в профессиональные ассоциации. Их проблемами начинают интересоваться власти, политические партии и общественные организации штата Махараштра².

Рис. 3. Мумбайский сапожник за работой

Рис. 4. Петербургский сапожник за работой

---

² Материалы о сапожниках города Мумбаи и штата Махараштра были подготовлены в ходе полевых исследований, проведенных в 2016 г. профессором Балкришной Босле.

Петербургские сапожники в основном имеют специальные будки для своего ремесла, тогда как мумбайские сапожники, как правило, лишены подобной роскоши. Рассматривая социальный контекст сапожного ремесла в Индии, нельзя обойти еще одно важное обстоятельство. В культуре этой древней страны большое место отводится добродетели бережливости, причем вопреки социальному статусу. Поэтому становится понятной практика сохранения жителями Мумбаи поношенной или даже поврежденной обуви. Это своего рода продолжение философии вечного возрождения мироздания и всего в нем. Каждая вещь, а в нашем случае обувь, просто ждет своего часа, когда за ней кто-то придет. Либо это будет сапожник, который отремонтирует ее, либо это будет мусорщик, который возьмет эту обувь, чтобы дать ей новую судьбу в другом месте или даже в другой форме. На этом фоне особенно интересным выглядит рассуждение Л. Болтански и Э. Кьяпелло [31, с. 276–281] об отходе современного нового капитализма от традиции сбережения. Но кто же может с уверенностью сказать, что петербургский сапожник ближе к современности, чем мумбайский?

Заключение

Разрабатывая аналитическую модель сравнительного исследования, авторы статьи указали на важность многоуровневого и поэтапного изучения аналогичных практик, взятых из отдаленных социальных контекстов. Пришлось разделить сравнение на три части. В первой части сравнивались российское и индийское общества, его социальная структура и тенденции развития. Во второй части рассматривались специфические институциональные формы и процессы, присущие городам Санкт-Петербургу и Мумбаи. Только затем оказалось возможным перейти к сравнению самих социальных практик сапожного ремесла. Благодаря такой структуре исследования работа была выведена на уровень системного сравнения, став основой для проведения качественного полевого исследования в Санкт-Петербурге и Мумбаи в 2016 г. Таковы важнейшие выводы нашей работы.

Литература

1. Ковалевский М. М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М.: КомКнига, 2007. 152 с.
2. Aslund A. Russia's Capitalist Revolution: Why Market Reform Succeeded and Democracy Failed. Washington: Peterson Institute, 2007. 384 p.
3. Меньшиков С. М. Анатомия российского капитализма. М.: Международные отношения, 2008. 428 с.
4. Капитализм в России: в поисках новых институциональных оснований // ред. М. В. Синютин. СПб.: Реноме, 2013. 168 с.
5. Chakrabarti A., Cullenberg S. Transition and development in India. London: Routledge, 2003. 374 p.
6. Interrogating India's Modernity: Democracy Identity and Citizenship / ed. S. Jodhka. New Delhi: Oxford University Press, 2013. 356 p.
7. Crony Capitalism in India: Establishing Robust Counteractive Institutional Frameworks / eds. N. Khatri, A. Ojha. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2016. 228 p.
8. Jodhka S. Caste in Contemporary India. New Delhi: Routledge, 2015. 252 p.
9. Вебер М. Город // Избранное. Образобщества. М.: Юрист, 1994. С. 309–446.
10. Castels M. The Informational City. Information Technology, Economic Restructuring and the Urban-Regional Process. Oxford, Cambridge: Blackwell. 1989. 416 p.
11. Крупный город: проблемы и тенденции развития / ред. В. А. Воротилов. Л.: Наука, 1988. 167 с.

12. Образ жизни населения крупного города: опыт комплексного социального исследования / Андрейченко И. Н. и др.; под ред. А. С. Пашкова; ЛГУ. Научно-исследовательский институт комплексных социальных исследований. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. 288 с. (Человек и общество. Вып. 23).
13. Веселов Ю. В. Экономическая социология одного города: пространство Петербурга // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. XII, № 2. С. 153–185.
14. Bombay: Metaphor for Modern India / eds. Patel S., Thorner A. New Delhi: Oxford University Press, 2003. 298 p.
15. Bombay and Mumbai: The City in Transition / eds. S. Patel, J. Masselos. New Delhi: Oxford University Press, 2003. 347 p.
16. *De Wit J.* Urban Poverty, Local Governance and Everyday Politics in Mumbai. London: Routledge India, 2017. 320 p.
17. Россияне и китайцы в эпоху перемен: Сравнительное исследование в Санкт-Петербурге и Шанхае начала XXI века / под общ. ред. Е. Н. Даниловой, В. А. Ядова, П. Давэя. М.: Логос, 2012. 452 с.
18. Социальные характеристики Санкт-Петербурга и Шанхая в начале XXI века. М.: Институт социологии РАН, 2010. 112 с.
19. Экономическая социология: теория и история / Веселов Ю. В. и др.; под ред. Ю. В. Веселова, А. Л. Кашина. СПб.: Изд-во «Нестор-История», 2012. 770 с.
20. *Amin S.* Russia and the Long Transition from Capitalism to Socialism. New York: Monthly Review Press, 2016. 142 p.
21. *Гершенкрон А.* Экономическая отсталость в исторической перспективе. М.: Дело, 2015. 536 с.
22. Handbook on Social Stratification in the BRIC Countries. Change and Perspective / eds. P. Li, M. K. Gorshkov, C. Scaloni, K. L. Sharma. Singapore: World Scientific Publishing Co. Pte. Ltd., 2013. 822 p.
23. *Veselov Y., Sinyutin M., Kapustkina E.* Trust, Morality, and Markets Rethinking Economy and Society via the Russian Case. Frankfurt am Main: PeterLang, 2016. 152 p.
24. Индекс экономической свободы на сайте Херитедж Фаундейшн. URL: <http://www.heritage.org/index/ranking> (дата обращения: 15.12.2016).
25. Индекс распределения семейного дохода на сайте ЦРУ URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2172rank.html> (дата обращения: 15.12.2016).
26. *Veblen T.* The Beginning of Ownership // *American Journal of Sociology*. 1898–9. Vol. 4, N 3. P. 352–365.
27. *Дюмон Л.* Homo hierarchicus: опыт описания системы каст. СПб.: Евразия, 2001. 480 с.
28. Малое и среднее предпринимательство в Санкт-Петербурге и Ленинградской области в 2014 году. Статистический сборник / Петростат. СПб.: ОП Петростат, 2015. 186 с.
29. *Дамберг С., Чикадзе Е.* Армяне в обувном бизнесе Петербурга // Этничность и экономика: сб. статей по материалам международного семинара (Санкт-Петербург, 9–12 сентября 1999 г.) / под ред. О. Бредниковой, В. Воронкова, Е. Чикадзе. СПб.: ЦНСИ, 2000. С. 54–59.
30. *Bhosale B. V., Prasenjeet K.* Kolahapur: Paramparik Charmaudvog Airanvivar. Mumbai: Dr. Babasaheb Ambedkar Centre of Social Justice. 2012. 36 p. (in Marathi).
31. *Болтански Л., Кьяпелло Э.* Новый дух капитализма. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 976 с.

Для цитирования: Веселов Ю. В., Карапетян Р. В., Синютин М. В., Босле Б. В., Кандерао Х. П. Аналитическая модель исследования сапожного ремесла в Санкт-Петербурге и Мумбаи // Вестник СПбГУ. Социология. 2017. Т. 10. Вып. 1. С. 23–37. DOI: 10.21638/11701/spbu12.2017.102.

References

1. Kovalevskii M. M. *Ocherk proiskhozhdeniia i razvitiia sem'i i sobstvennosti* [Survey of the origins and development of family and property]. Moscow, KomKniga Publ., 2007. 152 p. (in Russian)
2. Aslund A. Russia's Capitalist Revolution: Why Market Reform Succeeded and Democracy Failed. Washington: Peterson Institute, 2007. 384 p.
3. Menshikov S. M. *Anatomiia rossiiskogo kapitalizma* [Anatomy of Russian capitalism]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2008. 428 p. (in Russian)
4. *Kapitalizm v Rossii: v poiskakh novykh institutsional'nykh osnovanii* [Capitalism in Russia: in search of a new institutional basis]. Ed. by M. V. Sinyutin. St. Petersburg, Renome Publ., 2013. 168 p. (in Russian)
5. Chakrabarti A., Cullenberg S. *Transition and development in India*. London, Routledge, 2003. 374 p.
6. *Interrogating India's Modernity: Democracy Identity and Citizenship*. Ed. by S. Jodhka. New Delhi, Oxford University Press, 2013. 356 p.

7. *Crony Capitalism in India: Establishing Robust Counteractive Institutional Frameworks*. Eds. N. Khatri, A. Ojha. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2016. 228 p.
8. Jodhka S. *Caste in Contemporary India*. New Delhi, Routledge, 2015. 252 p.
9. Weber M. [The City]. *Izbrannoe. Obraz obschestva [Selected Works. The image of society]*. Moscow, Jurist Publ., 1994, pp. 309–446. (in Russian)
10. Castels M. *The Informational City. Information Technology, Economic Restructuring and the Urban-Regional Process*. Oxford, Cambridge, Blackwell. 1989. 416 p.
11. *Krupnyi gorod: problemy i tendentsii razvitiia [Big city: problems and development trends]*. Ed. by V. A. Vorotilov. Leningrad, Nauka Publ., 1988. 167 p. (in Russian)
12. *Obraz zhizni naseleniia krupnogo goroda: Opyt kompleksnogo sotsial'nogo issledovaniia [The way of life of the population of a large city. Experience in integrated social studies]*. I. N. Andrejchenko etc. Ed. A. S. Pashkov. LGU. Nauchno-issledovatel'skii institut kompleksnykh sotsial'nykh issledovani. Leningrad, Publishing house of Leningrad State University, 1988. 288 p. (Chelovek i obschestvo [Man and society]; Vypusk. 23). (in Russian)
13. Veselov Yu. V. Ekonomicheskaia sotsiologiya odnogo goroda: prostranstvo Peterburga [Economic sociology of one city: space of St-Petersburg]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii [Journal of sociology and social anthropology]*, 2009, vol. XII, no. 2, pp. 153–185. (in Russian)
14. *Bombay: Metaphor for Modern India*. Eds. S. Patel, A. Thorner. New Dalhi, Oxford University Press, 2003. 298 p.
15. *Bombay and Mumbai: The City in Transition*. Eds. S. Patel, J. Masselos. New Dalhi, Oxford University Press, 2003. 347 p.
16. De Wit J. *Urban Poverty, Local Governance and Everyday Politics in Mumbai*. London, Routledge India, 2017. 320 p.
17. *Rossiiane i kitaitsy v epokhu peremen: Sravnitel'noe issledovanie v Sankt-Peterburge i Shankhae nachala XXI veka [The Russians and Chinese in an era of change: a Comparative study in St. Petersburg and Shanghai at the beginning of XXI century]*. Eds. E. N. Danilova, V. A. Yadov, P. Davaa. Moscow, Logos Publ., 2012. 452 p. (in Russian)
18. *Sotsial'nye kharakteristiki Sankt-Peterburga i Shankhaia v nachale XXI veka [Social characteristics of St-Petersburg and Shanghai at the beginning of the XXI century]*. Moscow, ISRAN Publ., 2010. 112 p. (in Russian)
19. *Ekonomicheskaia sotsiologiya: teoriia i istoriia [Economic Sociology: theory and history]*. Yu. V. Veselov etc. Eds. Yu. V. Veselov, A. L. Kashin. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2012. 770 p. (in Russian)
20. Amin S. *Russia and the Long Transition from Capitalism to Socialism*. New York, Monthly Review Press, 2016. 142 p.
21. Gerschenkron A. *Ekonomicheskaia otstalost' v istoricheskoi perspektive [Economic backwardness in historical perspective]*. Moscow, Delo Publ., 2015. 536 p. (in Russian)
22. *Handbook on Social Stratification in the BRIC Countries. Change and Perspective*. Eds. P. Li, M. K. Gorshkov, C. Scalon, K. L. Sharma. Singapore, World Scientific Publishing Co. Pte. Ltd., 2013. 822 p.
23. Veselov Yu., Sinyutin M., Kapustkina E. *Trust, Morality, and Markets Rethinking Economy and Society via the Russian Case*. Frankfurt am Main, PeterLang Publ., 2016. 152 p.
24. *Indeks ekonomicheskoi svobody na saite Kheritedzh Faundeishn [Index of economic freedom at Heritage Foundation site]*. Available at: <http://www.heritage.org/index/ranking> (accessed: 15.12.2016). (in Russian)
25. *Indeks raspredeleniia semeinogo dokhoda na saite TsRU [Index of family budget distribution at CIA city]*. Available at: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2172rank.html> (accessed: 15.12.2016). (in Russian)
26. Veblen T. The Beginning of Ownership. *American Journal of Sociology*, 1898–9, vol. 4, no. 3, pp. 352–365.
27. Dumont L. *Homohier archicus: opyt opisaniia sistemy kast [Homo hierarchicus: the experience of the description of the system of castes]*. St. Petersburg, Eurasia Publ., 2001. 480 p. (in Russian)
28. *Maloe i srednee predprinimatel'stvo v Sankt-Peterburge i Leningradskoi oblasti v 2014 godu. Statisticheskii sbornik [Small and middle entrepreneurship in St-Petesburg and Leningrad region. Statistical compendium]*. Petrostat. St. Petersburg, OP Petrostat, 2015. 186 p. (in Russian)
29. Damberg S., Chikadze E. [Armenians in the Shoe business in St. Petersburg]. *Etnichnost' i ekonomika: Sb. statei po materialam mezhdunarodnogo seminara (Sankt-Peterburg, 9–12 sentiabria 1999 g.) [Ethnicity and economy]*. Eds. O. Brednikova, V. Voronkov, E. Chikadze. St. Petersburg, CISR Publ., 2000, pp. 54–59. (in Russian)

30. Bhosale B. V., Prasenjeet K. *Kolahapur: Paramparik Charmaudvog Airanvivar*. Mumbai, Dr. Babasaheb Ambedkar Centre of Social Justice. 2012. 36 p. (in Marathi)

31. Boltanski L., Chiapello E. *Novyi dukh kapitalizma [The New Spirit of Capitalism]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011. 976 p. (in Russian)

For citation: Veselov Yu. V., Karapetyan R. V., Sinyutin M. V. , Bhosale B. V., Khanderao H. P. Analytical model for study of shoemaking in Saint-Petersburg and Mumbai. *Vestnik SPbSU. Sociology*, 2017, vol. 10, issue 1, pp. 23–37. DOI: 10.21638/11701/spbu12.2017.102.

Статья поступила в редакцию 19 декабря 2016 г.

Статья рекомендована в печать 26 декабря 2016 г.

Контактная информация

Веселов Юрий Витальевич — доктор социологических наук, профессор;
yurivitalievichveselov@yahoo.com

Карапетыан Рубен Вартанович — кандидат экономических наук, доцент;
ruben.v.karapetyan@gmail.com

Синютин Михаил Владимирович — доктор социологических наук, профессор;
sinewtin@yandex.ru

Босле Балкришна Витхал — доктор социологии, профессор и Глава Департамента социологии;
bvbhosale@hotmail.com

Кандерао Харши Прасенжит — ассистент Департамента социологии;
prasenjeetsocio@sociology.mu.ac.in

Veselov Yury V. — Doctor of Sociology, Professor; yurivitalievichveselov@yahoo.com

Karapetyan Ruben V. — PhD, Associate Professor; ruben.v.karapetyan@gmail.com

Sinyutin Mikhail V. — Doctor of Sociology, Professor; sinewtin@yandex.ru

Bhosale Balkrishna Vithal — Doctor of Sociology, Professor; bvbhosale@hotmail.com

Khanderao Harish Prasenjeet — assistant; prasenjeetsocio@sociology.mu.ac.in